

Моим сестрам, Стелле, Марианн и Эйлин, посвящается, потому что сестры играют важную роль в этой книге и потому что сестры — это что-то особенное.

Глава 1

«Беркширский обозреватель», 7 октября 1816 года:

Мы приветствуем возвращение Джонни Тринга, оплакиваемого семьей после того, как он пропал шесть лет назад. Его и еще тысячу христиан, по большей части, выходцев из стран Средиземноморья, захватили в плен мусульманские банды Алжира. Морской флот Его Величества и храбрые британские солдаты освободили этих несчастных.

Как велика должна быть благодарность Тринга Всевышнему за то, что смилостивился над ним и помог возвратиться в прохладный зеленый рай Беркшира!

«Благодарность Всевышнему велика, но еще больше потрясение от пережитого», — подумала Лаура Гардейн, кутаясь в шерстяную шаль. Солнце скрылось за облаками, прохладный ветерок шевелил полосы газеты и пожелтевшую листву на дубе, под которым она сидела.

Освобождение от рабства не может не обрадовать сердце. К ней подбежал сын, трехлетний Гарри.

— Мама, можно я возьму мяч?

Лаура улыбнулась и дала малышу мяч.

— Попроси няню сложить башню из кубиков, — ласково произнесла Лаура. — А ты потом ее разрушишь.

Ребенок побежал к няне, крепкой энергичной женщине, одетой в китайские хлопковые брюки и короткий синий жакет. Гарри звонко смеялся. Только дети бывают так счастливы и беспечны. Взрослые могут им позавидовать.

Лаура огляделась. Поистине райский уголок. Парк вокруг дома был прекрасен даже в пасмурный день и радовал глаз своей естественностью.

Трава на склоне, спускавшемся от дома к реке Колд, была короткой — здесь паслись овцы. Многовековые деревья давали густую тень.

Здание, стоявшее на холме, светлое и величественное, было образцом современного загородного дома. Лаура вспомнила стихи Ловеласа:

Каменные стены не образуют тюрьму,
А железные прутья — клетку.
Невинный и спокойный воспримет это
Как уединенное жилище.

Верно было и обратное. Идиллическое жильё могло восприниматься как заточение.

Смех сына отвлек ее от печальных размышлений. Она не была склонна к меланхолии и в отличие от других считала себя счастливой.

Год назад Лаура овдовела. Муж оставил солидное наследство, и нужда ей не грозила.

Сын, радость ее жизни, пошел в отца.

Квадратный подбородок, карие глаза, крепкое телосложение. Все как у Гардейнов, только волосы как у Лауры. Темные и выющиеся.

Когда малыш разрушил башню из кубиков, Лаура отложила газету и заплодировала:

— Молодец!

Мальчик подбежал к ней, позволил себя обнять и вернулся к вновь построенной башне. Мяч задел только ее край, но звук был похож на взрыв.

— Мама, мама! — испуганно закричал Гарри, бросившись к матери.

Лаура прижала его к себе, теряясь в догадках, что бы это могло быть. Удар грома? Вряд ли. Тогда бы вороны не поднимались в небо. Скорее, выстрел!

Тут Лаура сообразила, что произошло.

— Не пугайся, малыш. Это твой дядя Джек развлекается охотой.

— Может быть, отвести мальчика в дом? — спросила няня.

— Нет, конечно. Преподобный Гардейн не станет стрелять туда, где мы находимся. А Гарри тут хорошо. Правда, малыш?

Помолчав, Гарри кивнул, сполз с колен матери и побежал к своей башне.

Лаура улыбнулась и перевела взгляд на рощицу между главным домом и деревней. Выстрел прозвучал в той стороне. Вороны успокоились и уселись на ветках деревьев.

Брат ее мужа, Джек Гардейн, не станет стрелять куда попало. Джек Гардейн был викарием в приходах Святого Эдвина и Святого Марка, всеми уважаемых. Но, как и все из рода Гардейнов, пристрастился к охоте, стрельбе и рыбалке.

За шесть лет замужней жизни Лаура привыкла к огнестрельному оружию, собакам и лошадям. К оружию относилась спокойно до того момента, когда стала подзревать, что преподобный Джек Гардейн желает ее сыну смерти.

Лауру прошиб холодный пот. Она пыталась убедить себя, что ни один человек, тем более служитель церкви, не может желать зла невинному ребенку. Если даже речь идет о титуле, богатстве, охоте, стрельбе, рыбной ловле, в общем, обо всем, о чем он мечтал.

Однако Лаура не могла избавиться от своих подозрений, как ни старалась, и не спускала глаз с ребенка, хотя понимала, что это бессмысленно. А когда он вырастет, вообще исключено. Мальчик должен набираться жизненного опыта, но при сложившейся ситуации Лаура не представляла, как сможет отпустить его от себя.

Вид у Гарри был усталый, и Лаура решила уложить его спать. Но вдруг вскочила и побежала. Мяч прокатился мимо няни и теперь катился вниз к реке, Гарри бежал за ним. Но не это испугало Лауру. Она увидела, как из леса вышел большой черный пес и схватил мяч зубами. Малыш остановился, затем повернулся и побежал к матери. Обняв сына, Лаура стала его успокаивать, но сердце ее бешено колотилось.

— Не будь трусишкой, Гарри! Бонсер не тронет тебя, — раздался голос Джека Гардейна, который приближался к ним с веселой улыбкой на лице. Как и все Гардейны, Джек излучал силу и добродушие. Никому бы и в голову не пришло, что он способен на злодеяние. Ствол ружья, которое он держал, был направлен в землю. Он выглядел совершенно безобидно в простой деревенской одежде, в руке держал убитого фазана, чья голова волочилась по земле. Вообще-то Лаура спокойно относилась к убитым животным, но сейчас почему-то вздрогнула.

— Дядя прав, мой мальчик, — проговорила Лаура, стараясь скрыть волнение, — собака не тронет тебя.

Ее слова скорее были адресованы Джеку, чем сыну. Лаура передала ребенка няне и попыталась забрать у собаки мяч.

— Отдай, Бонсер!

Собака зарычала. Лаура испугалась, но виду не подала и взглянула на Джека. Улыбка сбежала с его лица.

— Отдай, Бонсер! Быстро! — сказал он.

Пес выпустил из зубов мяч и вернулся к хозяину. Джек покачал головой:

— Лаура, дорогая, тебе не кажется, что ты слишком сильно опекаешь Гарри?

В последнее время он гнул эту линию, пытаясь отдалить ее от сына. Лаура опасалась, что ему удастся привлечь на свою сторону его отца, лорда Колдфорта.

— Ему всего три года, Джек, — ответила Лаура, вытирая мяч носовым платком. Она решила перейти в наступление. — Я удивилась, увидев тебя. Нам сообщили, что у Эммы уже начались роды.

— Мужчине там совершенно нечего делать, — сказал Джек. — Я уже прошел через это трижды.

— Надеюсь, что на этот раз все окончится благополучно.

— Акушерка сказала, что опасаться нечего. Если родится мальчик, отец будет доволен. Хорошо, когда есть еще один мальчик, кроме наследника.

У Лауры комок подступил к горлу, но она посмотрела Джеку в глаза.

— Разумеется, хотя маловероятно, что с Гарри что-нибудь случится. Дети теперь не умирают так часто, как раньше.

— Слава богу! Однако Всевышний может забрать и невинного. Мудр тот, кто молится о лучшем, но все-

гда готовит себя к худшему. — Он кивнул. — Всего хорошего, сестра. Навешу отца и вернусь домой.

Джек шел быстрым шагом, а убитая птица волочилась по траве. Лаура старалась себя убедить, что ее предчувствия беспочвенны. Джек Гардейн — священник, помогает бедным прихожанам, хороший отец и заботливый муж.

Она перевела взгляд на сына. Гарри почти спал на руках у няни, положив голову ей на плечо.

— Пора возвращаться домой, малыш, — сказала Лаура, собирая игрушки. Ей очень не хотелось еще раз встретиться с Джеком по дороге домой.

Джек часто навещал своего не очень здорового отца, беседовал с ним, играл в карты. Лаура охотно общалась со свекром, но лорд Колдфорт предпочитал мужскую компанию и азартные игры.

Жить в доме лорда Колдфорта было отнюдь не просто, но Лаура относилась к лорду с пониманием. Он всегда вел активный образ жизни и, став инвалидом, очень страдал, отойдя от дел. Особенно горько ему было сознавать, что здоровье ухудшилось как раз тогда, когда он получил титул и наследство от своего брата, и жизнь его могла измениться к лучшему.

Поистине трагическая судьба у Гардейнов, подумала Лаура. Ее свекор получил титул своего старшего брата потому, что единственный сын этого брата утонул в Средиземном море. Его собственный сын, Гэл, муж Лауры, погиб тридцати двух лет от роду.

Лаура поклялась сделать все возможное, чтобы несчастье не коснулось ее сына. Подняв газету, она огляделась и, убедившись в том, что на траве ничего больше не осталось, направилась к дому.

Колдфорт-Хаус был построен всего полвека назад для небольшой семьи и приема гостей. В высокие окна в комнаты лился свет.

Дом нравился Лауре. Здесь можно было отдохнуть после суматошной жизни в столице. Но находиться тут постоянно в обществе ожесточенного лорда Колдфорта и его странной жены, леди Колдфорт, совсем другое дело. Если добавить к этому присутствие Джека и ее мрачные подозрения, то дом этот можно сравнить с камерой в Тауэре.

Лаура забрала Гарри у няни. Ничего дороже сына в жизни у Лауры не было. Ей предстояло не только растить, но и защищать. Пусть даже ее опасения необоснованны, она не вправе их игнорировать. Она никогда не простит себе, если с ним что-то случится.

По мере приближения к дому Лаура шла все медленнее. Она гнала прочь запоздалые сожаления. В день свадьбы она считала себя самой счастливой женщиной на свете, однако не нашла счастья в замужестве, а теперь ее будущее выглядело весьма печально.

В свои двадцать четыре Лаура чувствовала себя пленницей.

Лорд Колдфорт настаивал, требовал, и не без оснований, чтобы его наследник рос в этом доме. Ей разрешалось ненадолго увозить его к ее родным. Сама она могла ездить куда заблагорассудится, но, не уверенная в безопасности сына, Лаура не могла оставить его даже на день.

Колдфорт-Хаус останется для нее тюрьмой до тех пор, пока сын не вырастет и не сможет сам о себе заботиться.

Глава 2

Когда они зашли в отделанный мрамором холл, Гарри всхлипнул, словно собирался заплакать. Однако, взглянув на его личико, Лаура поняла, что он крепко спит, и поцеловала его в лоб.

— Что теперь с ним случилось?

Лаура подняла глаза и увидела в дверях кабинета обрюзгшего лорда Колдфорта. Он опирался на палку и тяжело дышал.

— Ничего. Он просто устал.

— Джек сказал, что он с визгом удирал от его собаки.

— Пес зарычал на него, сэр.

— Ты не даешь шагу ступить мальчику, только и знаешь, что опекать его. Джек прав. Парень должен больше времени проводить с ним. Это пойдет Гарри на пользу.

Лаура надеялась, что ужас, который она почувствовала, не отразился у нее на лице.

— Это хорошая мысль, — сказала она. — Но вам не кажется, что он еще слишком мал? Если бы уделяли ему немного внимания, могли бы многому его научить. У вас есть опыт, вы воспитали двоих прекрасных сыновей.

Лаура изо всех сил льстила лорду, однако, он был доволен.

— Прекрасная идея, дорогая. Я теперь, правда, не выхожу из дома, но даже в доме могу кое-чему научить малыша.

Лаура поблагодарила его, сделала реверанс и поднялась по лестнице. Она надеялась, что теперь лорд забудет о предложении Джека. Проблема была в том, что было совершенно естественно, чтобы брат занял место погибшего в воспитании его сына. При других обстоятельствах она сама бы этого хотела.

Поднимаясь по лестнице, Лаура вспомнила про жену Джека и помолилась, чтобы роды прошли нормально. Она предложила свою помощь, но Эмма вежливо отказалась. Вспомнив свои роды, Лаура не удивилась. Они с Эммой поддерживали отношения, но были слишком разными, чтобы подружиться. Она знала, что Эмма мечтала о мальчике, так же как и Джек. Но, зайдя в детскую и передав сонного Гарри няне, Лаура мысленно пожелала Эмме родить еще одну девочку. Если ее подозрения небезосновательны, то, имея сына, Джек может стать весьма опасным.

Когда Лаура спустилась к обеду, то застала в столовой Джека и своего свекра, оба сияли.

Джек протянул Лауре бокал вина, лорд Колдфорт поднял свой:

— Давайте выпьем, моя дорогая! За Генри Джека Гардейна!

Лаура замерла. Это была семейная традиция называть первого сына именем Генри. Но сейчас это звучало так, будто они намеревались заменить ее сына, Гарри.

Джек не переставал улыбаться.

— Если не возражаешь, Лаура, мы собираемся звать его Гэл.

— Конечно же, нет, — Она заставила себя улыбнуться. — Мои поздравления!

Она хотела спросить, как чувствует себя Эмма, но в этот момент вошла леди Колдфорт. Услышав новость, она удивилась, словно понятия не имела о том, что ее невестка беременна. Потом сказала:

— Как хорошо. Будет наследник, если старший умрет.

Даже мужчины были озадачены ее откровенностью, хотя и привыкли к ее странностям. Лаура пожалела, что

не посмотрела на Джека и не видела его реакции на эти слова.

Леди Колдфорт была холодной угловатой женщиной, которую мало интересовали окружающие ее люди. Вероятно, майор Гардейн в свое время женился на ней из-за денег.

Ее интересовали только насекомые, которых она собирала и раскладывала по коробочкам. Коробочки держала в пустой комнате и никому не показывала. Лаура опасалась, как бы свекровь не потеряла рассудок, ведь тогда Лауре придется за ней ухаживать.

— Разве еще не наступило время обеда? — спросила леди Колдфорт и направилась в столовую, хотя никто не сообщил, что обед подан. Переглянувшись, Лаура и мужчины последовали за ней. Как только все уселись, лорд Колдфорт и Джек принялись обсуждать дела поместья. Как мать будущего наследника, Лауру интересовала эта тема, однако они обсуждали какие-то мелочи, недоступные ее пониманию. Потом заговорили о спорте, и она совсем перестала прислушиваться.

Нахмурившись, леди Колдфорт молча разглядывала горящие свечи. Возможно, она злилась оттого, что не было еды на столе, а может быть, ее занимали проблемы ее насекомых. По опыту Лаура знала, что попытка завязать разговор окажется бесполезной. Подобного рода обеды были Лауре в тягость, однако она обязана была на них присутствовать.

Сколько таких обедов ей еще предстоит? Почти триста тридцать. Лаура овдовела одиннадцать месяцев назад.

С момента рождения Гарри Лаура проводила в этом доме почти каждые полгода. Гэл и его отец возражали против того, чтобы она увозила его надолго, а она не хо-

тела расставаться с ребенком, несмотря на то, что очень любила бывать в Лондоне, в Брайтоне и других фешенебельных местах.

Когда Гэл погиб, Гарри было два года и пять месяцев. Два умножить на триста шестьдесят пять и прибавить около ста пятидесяти — будет восемьсот восемьдесят. Она прожила в этом доме без мужа около четверти этого времени, примерно двести двадцать дней.

Если прибавить триста тридцать дней, прошедших со дня его смерти, получится пятьсот пятьдесят.

Нет, больше, потому что он часто оставлял ее тут одну, когда она была в положении. Это совпало с сезоном охоты, и она не возражала. В последние месяцы беременности рядом с ней была Джульетта, ее сестра, а потом приехала ее мать. Родные скрасили ей жизнь.

Следует прибавить еще пятьдесят, и получится шестьсот. Шесть сотен таких обедов. И еще тысячи впереди. Возможно, у нее обнаружатся странности, как у леди Колдфорт. Только проявятся они по-другому. Лаура будет обедать у себя в комнате, читая книгу или газету.

Леди Колдфорт неожиданно стукнула ложкой по столу:

— Где, в конце концов, обед? Почему в доме нет порядка? Ленивые славяне, вот они кто!

Появился слуга Томас.

— Через несколько минут обед будет подан, — заверил он леди Колдфорт.

Леди продолжала стучать ложкой по столу. Она была разъярена, и казалось, сейчас набросится на кого-нибудь с кулаками.

— Заберите у нее эту чертову ложку, — проворчал лорд Колдфорт.

Лаура попыталась и была весьма благодарна лорду за то, что он обратился к жене:

— Прекрати, ради бога, Сеси.

Леди отдала ложку и теперь что-то бормотала себе под нос.

— Налей вина, Джек, — распорядился старый лорд.

Джек поднялся, наполнил бокалы. Выпив вина, леди Колдфорт немного успокоилась. Лауре жаль было старую женщину. Ведь она терпела семейство Гардейнов значительно дольше, чем она, Лаура. А это нелегко. Пожилая леди была невероятно эгоистична.

Сын весь в мать, подумала Лаура, Гэл тоже был эгоистом. В отличие от матери он обладал красивой внешностью и обаянием, однако характер имел скверный...

К счастью, он не был эгоистом в постели, ему нравилось доставлять удовольствие женщине. Он считал это долгом джентльмена. Вероятно, их семейная жизнь была счастливой, потому что ее легко было удовлетворить.

«Перестань думать о прелестях семейной жизни, — говорила себе Лаура. — Помножь число бокалов на число тарелок и прибавь число свечей в подсвечниках...»

Наконец принесли первое блюдо.

— Давно пора! — проворчала леди Колдфорт, сняла крышку с супницы и налила себе суп.

Лаура считала, что им повезло с домоправительницей миссис Мурсайд. Когда возникали проблемы, она обращалась к Лауре, а не к леди Колдфорт. Суп, как всегда, был замечательный. Следовало отдать должное кухарке.

Лаура вышла замуж за Гэла Гардейна по собственному выбору и считала себя самой счастливой женщиной в Дорсете. В первый год замужества так оно и было.

Даже теперь Лаура чувствовала бы себя удовлетворенной, если бы была уверена в безопасности Гарри. Тут она подумала о пистолете.

Лаура обрадовалась, когда леди Колдфорт поднялась из-за стола, и последовала за ней, хотя они не собирались вместе пить чай. Пожилая леди поднялась наверх, а Лаура, взяв свечу, направилась в комнату, где хранилось оружие.

Гэл научил ее стрелять. Для него это было развлечением. Для Лауры тоже, пока муж не предложил ей стрелять в кролика. Лаура отказалась, Гэл разозлился, и уроки прекратились.

Она умела зарядить ружье, прицелиться. Знала, что, когда Гарри вырастет, сможет им воспользоваться. В коллекции были охотничьи ружья, оружие для дуэлей и другие, но ее интересовал маленький пистолет, который Гэл носил с собой в кармане, когда задерживался допоздна.

Зайдя в комнату, Лаура вздрогнула. Предыдущий лорд Колдфорт увлекался изготовлением чучел для демонстрации своих охотничьих достижений. Над дверью висела оленья голова, три лисицы смотрели на нее, у одной в зубах была курица. И еще несколько хищных птиц, казалось, не сводили с нее глаз. Она знала, что все чучела изготовлены профессионально, но ей всегда чудилось, что в комнате стоит неприятный запах.

Поставив свечу, Лаура открыла ящик, где ее муж хранил пистолеты. Ящик оказался пустым. Когда она открыла соседний ящик, то увидела там пистолеты лорда Колдфорта. Еще в одном лежали старинные пистолеты. Лаура подумала, что, скорее всего, пистолеты забрал Джек.

Глядя на висевшую на стене сову, Лаура пыталась убедить себя, что у нее нет оснований для подозрений.